

К ВОПРОСУ О ВЕЖЛИВОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЕ

*Работа представлена кафедрой германской филологии.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор И. П. Шишкина*

Статья посвящена проблеме определения категории вежливости и реализации ее в речи женских персонажей в современной немецкой прозе.

The article is devoted to the definition of the politeness category and to the problem of its realisation in speech of female characters in the contemporary German prose.

Вежливость как предмет изучения лингвистики неоднократно привлекала к себе внимание языковедов¹. В лингвистической литературе вежливость рассматривалась с двух точек зрения: с точки зрения исследования общих стратегий поведения и с точки зрения выявления специфики выражения положительного отношения к человеку на материале частных речевых актов в конкретном языке (извинения, благодарности, комплименты и др.).

Существует разное понимание понятия вежливости. Вежливость часто ассоциируют с хорошими манерами. Однако, по мнению В. И. Карасика, это лишь внешняя сторона явления (процессуальная)². П. Браун и С. Левинсон определяют вежливость как признание и удовлетворение двух основных потребностей собеседника: потребность не испытывать давления и помех, ставящих под удар самооценку человека, со стороны другого и потребность в симпатии и восхищении со стороны другого³. Итак, быть вежливым – значит демонстрировать уважение к чувствам собеседника, что является одним из элементов сотрудничающего, или конформистского, типа коммуникативного поведения, который предполагает общую ориентацию на собеседника, создание отношений близости и равенства с коммуникативным партнером, более вежливый характер реплик.

На наш взгляд, в рамках категории вежливости следует рассматривать не только случаи соблюдения конвенциональных правил вежливого коммуникативного поведения, но также и случаи их нарушения.

Категория вежливости может реализовываться как в вербальном, так и в невербальном поведении коммуникантов. Вежливый стиль речевого поведения может проявляться на разных языковых уровнях (фонетическом, лексическом, грамматическом). На фонетическом уровне категория вежливости реализуется в соответствующей интонации, силе голоса и т. д., на лексическом – в использовании, например, эвфемизмов, модальных глаголов и модальных наречий с целью смягчения категоричности высказывания, вежливых обращений и слов извинений, местоимения «мы» в инклюзивном значении, а также в стремлении избегать употребления грубых, ругательных слов и др., на грамматическом – в использовании определенных коммуникативных типов предложения, например, вежливых вопросов вместо категоричных утверждений и т. д.

Многие лингвисты, занимающиеся гендерными исследованиями, подтверждают существующие стереотипные представления о более вежливом женском стиле речи, что связано с присущим в большей степени жен-

щинам сотрудничающим типом коммуникативного поведения⁴. По мнению Е. А. Жигайковой, это убеждение сложилось в результате традиционного восприятия женщин как существ нежных, ранимых, инстинктивно не принимающих грубость, присущую, например, бранным словам, в результате общепринятого мнения о том, что вежливость – это неотъемлемая составляющая женственности⁵. Использование «крепких словечек» – это скорее прерогатива мужчин, их использование в речи женщин до сих пор не поощряется, хотя в последнее время мужской язык все чаще используется женщинами, что связывают с определенными демократическими процессами в обществе. По результатам исследования Е. А. Жигайковой, уровень вежливости претерпевает изменение постепенно, со временем, и связано это с развитием феминистского движения⁶. По мнению В. И. Карасика, степень вежливости зависит не только от гендерной принадлежности, но и от общей культуры человека, а также от ситуации, от роли, исполняемой человеком в данной ситуации⁷.

Цель данной статьи – охарактеризовать речь женских персонажей в произведениях Г. Воман с позиции вежливости. Объем статьи не позволяет рассмотреть все средства выражения категории вежливости в речи героинь. Поэтому ограничимся анализом использования в речи эвфемизмов (как одного из случаев соблюдения конвенциональных правил вежливости) и бранной лексики (как одного из случаев нарушения этих правил). На наш взгляд, названные средства являются наиболее яркими маркерами вежливого (или невежливого) речевого поведения и в полной мере отражают суть понятия вежливости как демонстрации уважения к чувствам собеседника. Кроме того, процессы эвфемизации и использования бранной лексики объединяет то, что оба этих приема связаны с оценкой речевого поведения как грубого и неприличного, при этом они образуют в этой оценке своего рода положительный и отрицательный полюса.

Выбор материала анализа объясняется, во-первых, тем, что художественное произведение – это модель реального мира, результат преобразования автором реальной действительности в художественное пространство; во-вторых, спецификой построения художественного текста автором произведений. Для рассказов Г. Воман характерно превалирование персонажного речевого сегмента (прямой, несобственно-прямой речи, внутреннего монолога и аутодиалога) над авторским (авторские слова и авторское описание) и нечеткость границ между этими сегментами.

Итак, вежливость выражается в сглаживании неприятных тем разговора с помощью эвфемизмов, которые довольно часто встречаются в речи женских персонажей Г. Воман. Основная цель, которая преследуется героинями при использовании эвфемизмов, – стремление избегать коммуникативных конфликтов и не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта. Эффективным средством для вуалирования и смягчения сути явления являются иноязычные слова, в силу своей меньшей понятности большинству носителей языка, например:

1) *Ich meine, wenns ein netter Abend werden soll, sagte Constanze, ein entspannter Abend, einfach heiter und so, dann wödre Thilo ja wahrscheinlich ein **handicap**, oder wie soll ich sagen. Etwas belastend. (s. 186)*

Констанция Гримм в рассказе «Er saß in dem Bus, der seine Frau überfuhr» использует в беседе с мужем заимствованное из английского слово **handicap** в переносном значении «помеха, препятствие» с целью смягчить неприятную для мужа тему. Действие слова **handicap** подкрепляется использованием глагола-связки в форме конъюнктива, модального наречия **wahrscheinlich**, а также словосочетания **etwas belastend**. Разрыхленная вводными и дополняющими конструкциями структура предложения сигнализирует о взволнованности героини и в совокупности с вышеперечисленными средства-

ми создает впечатление неловкости ситуации, которую Констанция пытается сгладить.

2) *Die Batikfrau hielt einen weiteren Lachanfall für günstig und simulierte ihn, ehe sie, wieder gefasst, nun beinahe streng sagte: Manche ihrer Pointen versteht man nicht auf Anhieb. Warum sehen sie alles, aber auch alles so bitter? Das Leben kann doch auch schön sein. Finden Sie nicht?* (сmp. 24)

Женщина, занимающаяся батиком, в рассказе «Beneidenswerte Menschen» использует в телефонном разговоре с юмористкой Наташей Тренсков заимствованное из французского языка слово **Point** со значением «укол, острое» для обозначения острых шуток Наташи. Таким образом эта женщина старается облечь свое вторжение в жизнь Наташи в более мягкую форму и не вызвать у собеседницы ощущения коммуникативного дискомфорта.

Эвфемизм является следствием лексического табу (запрета), который благодаря разного рода предубеждениям и суевериям налагается на употребление названий определенных предметов и явлений окружающего мира, в результате чего человек прибегает к иносказательным выражениям. Это в значительной мере типично и для женских персонажей Г. Воман, например:

3) *Was meinst du, ich bin entsetzlich alt, ich bin abscheulich alt, also könnte man nicht von schwerem Schicksal oder irgendsowas reden oder mit Gott brechen, wenn das jetzt hier... also wenn es aus wäre.* (s. 146)

Наименования смерти, болезней и т. п. издавна считаются в обществе табу. Однако героиня по имени Фелиситас в рассказе «Bald liegt Frankfurt am Meer» избегает прямого обозначения смерти скорее из уважения к чувствам своей сестры Клэр. Более того, Фелиситас использует в одном предложении три эвфемистических обозначения смерти, которые вместе с другими лексическими и синтаксическими средствами (варьированный повтор – *ich bin entsetzlich alt, ich bin abscheulich alt*, нарушение линейности

высказывания – *wenn das jetzt hier... also wenn es aus wäre*) эксплицируют напряженное эмоциональное состояние героини, а именно сильное волнение, не смотря на которое Фелиситас все-таки заботится о чувствах сестры. Таким образом, все перечисленные средства выполняют еще одну функцию – они характеризуют героиню как заботливую сестру.

4) *Was am Alter so spannend sei, wollte der Interviewer gar nicht mehr wissen, und die Schauspielerin erzählte von ihrem großen Vorbild, von ihrer Mutter, für die, jenseits der sechzig, jeder Tag interessanter und wichtiger wurde.* (сmp. 12)

В данном примере наблюдаем еще одно табу, издавна существующее в обществе – тема женского возраста. Актриса без имени в рассказе «Der Tag mit den Frikadellen» предпочитает не называть точный возраст своей престарелой матери, соблюдая таким образом правила речевого этикета, принятые в обществе, что также связано со стремлением избегать коммуникативного дискомфорта.

Как уже было сказано выше, использование в речи грубых и бранных слов является нарушением конвенциональных правил вежливого речевого поведения. Многие женские персонажи в рассказах Г. Воман используют в состоянии гнева или раздражения сниженную и бранную лексику. Однако героини, как правило, не произносят их вслух. Вероятно, это связано с существующим многие века табу для женщин на употребление в речи бранных слов. Кроме того, бранные слова не направлены на собеседника/собеседницу, а лишь косвенно затрагивают их. Они направлены либо на ситуацию в целом, либо на предметы и явления внутри этой ситуации:

5) *Während ich die kleine Familie verfolgte, hörte ich meine Erklärungen für später an dem Balkon innerlich ab. Wisst ihr, ich musste der Sache einfach nachgehen. Ihr würdet es mir nicht glauben, aber auf ihrem Weg vom Jugendstilbrunnen am Kreuzplatz über den*

Platanenhein und zur Landgrafenstraße haben diese Eltern überhaupt nicht auf das Kind reagiert. Sie haben es überhaupt nicht beachtet. Sie machten ihre verdammten Fotos von irgendwelchen Inschriften und Jugendstilportalen, von Gesimsen und was weiß ich, und das Kind ist weiter um sie herumgehüpft und hat ihnen zugerufen: Ich hab mir was gewünscht, ich hab mir was gewünscht! (сmp. 7–8)

Повествование в рассказе «Ich hab mir was gewünscht» ведется от первого лица, лица героини без имени. Повествующий субъект как бы расслаивается на три «я», каждый из которых имеет собственный временной и пространственный континуум. Первый повествует, второй идет по улицам города следом за семьей, в которой родители, увлеченные процессом фотографирования, не обращают внимания на свою дочь (*Während ich die kleine Familie verfolgte,...*), и третий представляет себе, как позже за обедом на балконе будет оправдываться перед мужем и друзьями за опоздание (*...hurte ich meine Erklärungen für später auf dem Balkon innerlich ab.*). В то же время все три «я» связывает общее чувство, чувство возмущения, одним из средств выражения которого является лексема **verdammmt** в значении «проклятый». Эта лексема выступает в качестве определения к слову **Fotos**, т. е. адресована не фактическому источнику ее возмущения, родителям девочки, а лишь косвенно их затрагивает. Кроме того, бранное слово **verdammmt** произносится героиней во внутренней речи в воображаемой беседе с мужем и друзьями и, следовательно, не может вызвать чувство коммуникативного дискомфорта ни у участников воображаемого разговора, ни у фактического адресата возмущения.

6) *Die Hausfrau Irene wagte zu sagen, während ihr Mann seine zweite Grapefrüthälfte mit einem Luffel ausschabte: Дhnliche Leute wie uns nimmt sie auf die Schippe, diese Humoristin. Hast du es nicht gemerkt? Wir, genau wir zwei, du und ich, wir kommen dauernd bei ihr vor.* (сmp. 17)

*Aber die Humoristin deckt auf, **welch ein Bludsinn das alles ist. Alles Zeitverschwendung und Bludsinn. Zank und Streit und alles andere, diese verdammten Gewohnheiten, alles, von deiner Grapefruit bis zum Schimmel im Keller und den Handwerkern, alles ist Bludsinn. Gemessen am Tod, ist alles Bludsinn.*** (сmp. 18)

Многократное повторение конструкции **alles ist Bludsinn** с разного рода модификациями в прямой речи демонстрирует высокую степень эмоционального накала героини рассказа «Beneidenswerte Menschen» Ирены Метц. Однако вектор ее возмущения направлен не непосредственно на источник ее возмущения, мужа, отношениями с которым она недовольна, а на ситуацию в целом, на царящий в их семье патриархальный порядок и необходимость подчиняться этому порядку. Это видно из структуры предложений, в которых героиня использует бранную лексику. Слово **Bludsinn** в значении «чепуха, вздор» выступает в этих предложениях в функции предикатива составного именного сказуемого **ist Bludsinn** и согласуется с подлежащим **alles**, имеющим обобщенное значение. А лексема **verdammmt** в значении «проклятый» выступает в функции определения к существительному **Gewohnheiten**. При этом все словосочетание сопровождается указательным местоимением **diese** (эти), хотя речь идет о привычках мужа, и героиня вполне могла бы употребить в данной ситуации притяжательное местоимение **deine**, но она избегает прямого обозначения, что также свидетельствует о стремлении адресанта не создавать у адресата, в данном случае мужа, ощущения коммуникативного дискомфорта.

И таких примеров можно привести достаточно много:

eine blude Sitte. (сmp. 44), *verdammte Sonne.* (сmp. 191), *das doofe Aspirin.* (сmp. 192), *ein bludes Medikament.* (сmp. 185), *irgendeine blude Routine.* (сmp. 192), *mit dem alten bluden Ding.* (*Thermometer*) (сmp. 157) и т. д.

Иногда ругательные слова героиня направлены на себя же:

7) *Entsetzlich, absolut verheerend, ich Idiotin, murmelte die Humoristin vor sich hin.* (сmp. 20)

Героиня рассказа Наташи Тренсков во внутреннем диалоге с самой собой в рассказе «Beneidenswerte Menschen» недовольна своим поведением накануне вечером.

Встречаются лишь единичные случаи употребления женскими персонажами ругательств в адрес коммуникативного партнера во внутренней речи, за которыми тут же следует реакция, либо раскаяние в содеянном, либо растерянность и удивление. На наш взгляд, это свидетельствует о непривычности использования бранных слов для женского коммуникативного поведения, а также о том, что героини рассказов не стремятся оскорбить собеседника, это всего лишь эмоциональная реакция на происходящее и выражение чувства гнева, проявление которого героини Г. Воман чаще всего стараются подавить:

8) *Erbarmungslos dachte Carola: Schwatzhaft, das ist es, was sie ist. Sie ist eine Schwatzbabe. Ich aber werde immer stummer, ich werde wie mein Papa. Carola war ein wenig übel.* (сmp. 13) *Carola hasste sich selber dafür, ihrer*

Mutter womöglich doch die Laune zu verderben. (сmp. 14)

Героиня рассказа «Der Tag mit den Frikadellen» Карола Мунк переживает и ненавидит себя за то, что думает плохо о матери.

9) *Mistkerl, dachte Constanze und war verblüfft darüber.* (сmp. 183)

Констанция Гримм в рассказе «Er saß in dem Bus, der seine Frau überfuhr» удивлена, что посмела грубо выразиться в адрес мужа, хотя бы и не вслух.

Как видно из вышеперечисленных примеров, женские персонажи в рассказах Г. Воман стараются более деликатно говорить на неприятные и/или табуированные в обществе темы. Кроме того, героини очень редко произносят вслух ругательные слова, к тому же эти слова не носят грубого оттенка, а героини не адресуют их непосредственно источнику неприятных эмоций и, следовательно, не имеют намерений оскорбить адресата. Поэтому можно говорить о достаточно вежливом и тактичном стиле коммуникативного поведения женских персонажей в произведениях Г. Воман.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Lakoff R. Language and Woman's Place. Harper & Row, New York, 1975; Brown P., Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomena, pp 56–289 in Goody E. (ed.) Questions and Politeness. Cambridge University Press, 1978; Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

² Карасик В. И. Указ соч. С. 76.

³ Brown P., Levinson S. Op. cit.

⁴ Coates J. Woman, man and language: a sociolinguistic account of sex differences in language. London. Longman, 1986; Бакушева Е. М. Социолингвистический анализ речевого поведения мужчины и женщины: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1995; Жигайкова Е. А. Английская женская речь: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 2004.

⁵ Жигайкова Е. А. Указ. соч. С. 14.

⁶ Жигайкова Е. А. Указ. соч. С. 15.

⁷ Карасик В. И. Указ. соч.